

**К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.В. БРУШЛИНСКОГО**

ПСИХОЛОГИЯ СУБЪЕКТА: ПОИСКИ И РЕШЕНИЯ¹

© 2008 г. Е. А. Сергиенко

*Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии развития,
Институт психологии РАН, Москва*

Рассматриваются пути перехода от несубъектной психологии к субъектной, подчеркивается, что их поиск направлен на продолжение и развитие идей А.В. Брушлинского. Предлагаются некоторые решения проблемных моментов психологии субъекта, обсуждаются спорные вопросы. На основе интеграции системного и субъектно-деятельностного подходов предложен новый системно-субъектный подход в психологии. Описаны функции субъекта: когнитивная, регулятивная и коммуникативная. Проводится дифференциация между категориями субъекта и личности. Обсуждается природа становления субъектности и сопоставляются классификации основных этапов этого развития. Предложена уровневая организация становления субъекта в онтогенезе человека: от протосубъектности к субъекту деятельности и жизни. Выделены метауровни развития субъекта: субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни.

Ключевые слова: психология субъекта, системно-субъектный подход, функции субъекта, континуально-генетический метод, субъект и личность, уровни становления субъектности.

В научном наследии Андрея Владимировича Брушлинского наиболее значимое место занимает психология субъекта, субъектно-деятельностный подход. Он увлеченно обсуждал различные дискуссионные вопросы психологии субъекта с сотрудниками нашего института, учеными других областей – философами, математиками, биологами, с уважением и большим вниманием относился к любым замечаниям, суждениям, возражениям. Об этом он писал в предисловии к своей последней книге “Психология субъекта” [12].

В течение последних пяти лет мы (В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова) пытаемся продолжить разработку психологии субъекта, не только проводя фундаментальные исследования, но и обсуждая, развивая это направление в рамках специального курса лекций и семинаров “Психология субъекта” (его организовал А.В. Брушлинский) на факультете психологии Государственного университета гуманитарных наук (ГУГН).

В настоящей статье я остановлюсь на результатах последних разработок и дискуссионных моментах психологии субъекта сегодняшнего дня. Попытаюсь представить, как воспринял бы некоторые из предлагаемых решений Андрей Владимирович, с чем он мог согласиться, а с чем нет. Надеюсь, что наши работы продолжают и развивают идеи психологии субъекта А.В. Брушлинского.

**СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД
В ПСИХОЛОГИИ**

Одна из тенденций в развитии психологии субъекта – это создание системно-субъектного подхода. Эта идея впервые обсуждалась в статье сборника “Проблема субъекта в психологической науке” [34], затем в разделе коллективной монографии “Психология индивидуального и группового субъекта” [35] и в дальнейших моих статьях [36–40]. Брушлинский считал эту идею весьма плодотворной и достойной дальнейшей разработки.

На основе взаимообогащения системного, а точнее – системно-эволюционного и субъектно-деятельностного подходов формируется новый системно-субъектный подход. С его позиций центром концептуальной схемы психологии является человек как субъект деятельности, общения, переживания. Именно субъект на каждом этапе своего развития выступает как носитель системности, раскрывающейся во взаимодействии с миром. Субъект становится системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации [34–40].

Заметим, что принцип системного подхода предполагает самоорганизацию психики человека, которая осуществляется на разных уровнях своего развития. Подобное объединение двух подходов позволяет сделать шаг на пути приближения психологии к человеку, реальному, сложному субъекту собственной деятельности, включив в это рассмотрение системные механизмы его психической организации.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-06-00053а).

Представляется, что именно изучение становления системной организации субъекта, его эволюции в онтогенезе, детерминант его развития даст возможность перейти к еще более интегративному, целостному анализу психики человека.

В российской психологической науке, на наш взгляд, категория субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на конференциях, в учебных пособиях, статьях, монографиях, диссертациях. Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что главным образом благодаря целенаправленным подвижническим усилиям Брушлинского в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований – психология субъекта. В психологии субъекта фактически представлена история психологической науки XX столетия: это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Следовательно, категория субъекта обрела статус системообразующей, методологической категории. К.А. Абульханова подчеркивает, что именно субъект должен стать предметом психологической науки (см. [5]). В целом, поддерживая эту идею, хочу заметить, что, как мы увидим далее, Абульханова [2–5] выдвигает акмеологические критерии субъектности как вершинные достижения личности, и тогда предметом изучения психологии должен стать достаточно ограниченный период жизни человека и достаточно ограниченный круг его феноменов. Более того, мы можем потерять истоки причин, условий, детерминант возможности или невозможности достижения человеком этих вершинных уровней. В этом случае многие аспекты психологии человека останутся вне поля зрения психологической науки.

Наши разработки психологии субъекта ориентированы на системно-субъектный подход.

Выделяя категорию субъекта как центральную в системно-субъектном подходе [37, 38], необходимо найти те специфические функции, которые дифференцируют ее от других категорий психологической науки. Эти функции должны обладать статусом системности и субъектности одновременно. Б.Ф. Ломов выделял три основные функции психических процессов: когнитивную, регулятивную и коммуникативную [25]. Подобные функции можно выделить и относительно субъекта. Мы полагаем, что в качестве *когнитивной функции* по отношению к субъектности является понимание, *коммуникативной* – континуум субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействий, *регулятивной* – контроль поведения и самопроизвольность. Специфической для катего-

рии субъекта когнитивной функцией может стать понимание, которое является одновременно и когнитивным, и экзистенциальным феноменом [19]. Понимание человеком окружающего мира включает внутренние модели (физического и социального мира) и смысловые образования, опосредствующие его выбор и интерпретацию окружающих событий, явлений [38, 39].

Регулятивной функцией субъекта может выступать контроль поведения, который является основой саморегуляции человека. Контроль поведения рассматривается нами как интегративная характеристика, включающая когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность) (см. подробнее [36, 39]). В отличие от саморегуляции, контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью.

Необходимо сказать о тех отличиях, которые существуют между нашим пониманием контроля поведения как регулятивной функции субъекта и представлением об индивидуальной саморегуляции человека В.И. Моросановой [28].

Структурно-функциональный подход и концепция индивидуального стиля саморегуляции основываются на сознательной, произвольной регуляции деятельности человека [21, 27, 28]. Модель системы регуляции построена по аналогии с поэтапной информационной обработкой, но средствами человеческой психики. Регуляция происходит благодаря процессам планирования, моделирования, программирования, оценки результатов и регуляторно-личностным свойствам (гибкости и самостоятельности). Открытыми вопросами данного подхода остаются проблемы развития саморегуляции в онтогенезе. Предложенная модель саморегуляции формируется и осуществляется в деятельности, тогда как индивидуальные особенности человека остаются “за скобками”. В последнее время предпринимаются попытки найти индивидуально-психологическое своеобразие саморегуляции [27, 28], однако с концептуальной точки зрения неясно, что определяет профили саморегуляции: деятельность или индивидуальная специфичность, а это является важнейшим вопросом о психологических механизмах управления поведением. Данная модель описывает только произвольные и осознанные уровни регуляции деятельности. Но известно, что осознанная регуляция более медленная, характеризуется большими энергетическими и психическими затратами. Спонтанная активность человека реализуется в большей степени на уровне неосознанной регуляции, и деятельность не подвергается постоянной рефлексии.

Авторы структурно-функционального подхода [21, 27, 28] используют опросники для анализа стилей саморегуляции, которые требуют высоко-

го развития рефлексивных процессов. Более того, человек не может давать о себе совершенно объективную информацию – это в большей степени самопрезентация.

Мы полагаем, что индивидуальность человека, включая его ментальный опыт (когнитивное представление о мире), определяет и саму деятельность. То есть способность к самоорганизации, а значит целостность на каждом определенном этапе развития, существует до формирования зрелой и сознательной системы саморегуляции, произвольной активности и служит основой ее становления в дальнейшем. Модель саморегуляции является когнитивной: имеется в виду, что любой процесс может быть разделен на ряд этапов, на каждом из которых выполняется какая-либо операция с информацией [1]. Но информация об окружающей действительности, используемая человеком, может обрабатываться и параллельно, вызывая у него определенное отношение. Это отношение отражено в другом принципе психологии – принципе единства сознания и переживания [31]. О.А. Конопкин отмечает, что понимание сути саморегуляции существенно возросло бы, если опираться на теоретическое представление о системно-организованном процессе, имеющем закономерную внутреннюю структуру [21].

В.И. Моросанова уточнила свои позиции, считая, что необходимо выделить новую область – психологию индивидуальных различий: “индивидуальных различий в саморегуляции произвольной активности человека” [28, с. 18]. Далее она поясняет, что это дает для понимания индивидуальности человека: “В первую очередь – это влияние собственной субъективной активности на проявления характера и темперамента человека. ... Собственная субъективная активность, механизмом которой является осознанная саморегуляция, влияет на проявления темперамента и характера, может раздвигать норму реакции, позволяет существенным образом изменить продуктивные аспекты активности человека” [там же, с. 19]. Предложенное Моросановой решение является в значительной степени спорным по нескольким соображениям. Во-первых, субъект всегда индивидуален, что включает и стиль его поведения – темперамент и характер. Эти индивидуальные особенности будут выступать как ядро субъективной индивидуальности, реализуя те или иные задачи (внешние или внутренние) и опираясь на ресурсы (внутренние возможности), образующие единую систему субъективной интегративной индивидуальности. Во-вторых, в отечественной психологической школе неоднократно обсуждался вопрос о соотношении личности и характера. Так, А.Ф. Лазурский [24] полагал, что в идеальном варианте личность “снимает” характер, подчиняет индивидуальные особенности человека тем целям и идеалам, которые выступают как значимые

в жизни. Однако также обсуждались варианты, когда характер препятствовал реализации целей личности, и человек не мог справиться со своим характером, что особенно свойственно при выраженности характера на уровне психопатии или явной акцентуации [13]. Эти соображения приводят к заключению, что “собственная субъективная активность”, по мнению Моросановой, есть не что иное, как отождествление категорий субъекта и личности. Норма же реакции, за которую “уводит” “собственная активность субъекта”, представляется не чем иным, как крайними проявлениями возможностей человека. Норма реакции – это диапазон возможного, например, интеллектуальных способностей, эмоционального реагирования и т.п. “Выход” за норму реакции – это, видимо, метафора, указывающая на крайнее проявление возможного. И еще раз относительно произвольной и осознанной регуляции. В.И. Моросанова считает осознанную саморегуляцию механизмом собственной субъективной активности. Однако произвольная и осознанная регуляция включает в себя все другие уровни в организации регуляции, и рефлексивруется только ее незначительная часть. Более того, эта рефлексия (осознанные представления человека о том, как он себя ведет, на что направлены опросники) может быть и верной, и ошибочной, а ее уровень сильно зависит от способности субъекта к рефлексии. В работах А.Н. Карпова (например, [20]) убедительно показано, что эффективность деятельности, как правило, связана со средним (но не с высоким или низким) уровнем рефлексивности. Осознанная саморегуляция психологически и психофизиологически – медленный и ресурсно затратный уровень регуляции поведения. Следовательно, сведение саморегуляции к тому, что субъект способен осознанно управлять своим поведением, вряд ли возможно. Таким образом, в работах Моросановой речь идет не о субъекте, а о личности (такое отождествление совершают многие исследователи). Саморегуляция в используемой модели предстает как частный случай регулятивной функции субъекта – как саморепрезентируемый когнитивный компонент.

Коммуникативная функция субъекта специфически проявляется в представлениях о субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях. Так, в случае манипулятивных влияний один человек или группа людей могут выступать как объекты под воздействием субъекта. И напротив, человек или группа могут стать субъектами взаимодействия по отношению к другим людям или человеку как объекту воздействия [17]. Однако взаимодействия людей могут быть только тогда эффективны, когда учитывается субъектность объекта воздействия, уровень и особенности его внутренних моделей, степень понимания, индивидуальная специфика его контро-

ля и т.д. Следовательно, обозначая функции субъектности, мы сталкиваемся с их взаимным переплетением и лишь условным выделением, что необходимо при анализе явления.

Изучению коммуникативной функции субъекта посвящены исследования В.А. Лабунской [22, 23].

Разделяя мнение Б.Г. Ананьева, считавшего ведущей чертой субъекта преобразовательную активность, которая может быть направлена на себя (например, создание или изменение собственной жизни), на других людей для изменения их положения в обществе или сохранения статуса, В.А. Лабунская полагает, что преобразовательная активность соответствует уровню развития индивида и становится фундаментальной характеристикой личности как субъекта [22]. Она выделяет (в зависимости от соотношения направленности, качества и интенсивности преобразующей активности) субъектов затрудненного и незатрудненного общения. При этом характеристики данных типов субъектов определяют особенности общения с другими людьми. Поскольку общение является многокомпонентным образованием, в котором можно вычленировать коммуникативный, интерактивный и перцептивный компоненты, то по всем этим компонентам обнаруживаются особенности общения двух типов субъектов [там же]. Выделенные компоненты в полной мере сравнимы с когнитивной (социальная перцепция), коммуникативной (коммуникативный компонент общения) и регулятивной (интерактивная составляющая направлена на поддержание целей и состояний) функциями. Если подобное сравнение правомерно, то тогда мы находим подтверждение собственным предположениям о взаимопереплетении функций и трудности разделения функций.

Работы Лабунской могут служить примером реализации коммуникативной функции субъекта, но нельзя не заметить, что такое понимание категории субъекта значительно ближе к пониманию его как ступени развития личности, нежели системному пониманию, которое мы обсуждали выше.

В системной субъектной модели фиксированных форм поведения Г.В. Залевский полагает, что “ригидизацию” индивидуальной и групповой систем можно рассматривать как ослабление или утрату ими “субъектности” [15]. Субъект – индивидуальный или групповой – выступает в качестве системообразующего фактора, обеспечивающего любую систему наряду с другими свойствами, такими, как открытость–закрытость, устойчивость–изменчивость. Следовательно, по мнению автора, субъектность может быть связана с таким показателем, как степень выраженности фиксированных форм поведения. Положения концепции Залевского полностью соответствуют

нашим представлениям о субъекте как системообразующем факторе (см. [34, 35, 39, 40]). Креативным представляется также введение критерия ригидизированности относительно перспектив саморазвития и самореализации субъекта не только индивидуального, но и группового. Предположения об утрате субъектности при выраженности фиксированных форм поведения могут быть сопоставлены с данными Лабунской о переходе субъекта затрудненного общения на более низкий уровень организации всех трех компонентов общения (коммуникативного, интерактивного и перцептивного). Однако и в концепции Залевского мы также можем отметить отсутствие дифференциации между категориями субъекта и личности. Открытость–закрытость, ригидность–флексibilität – это скорее свойства личности.

О КРИТЕРИЯХ СУБЪЕКТНОСТИ

Принципиально важным для психологии субъекта остается вопрос о критериях субъекта.

А.В. Брушлинский, определяя субъектность, писал: “Субъект – качественно определенный способ самоорганизации...” [10, с. 331]. Позже он отмечал, что субъект – это человек на высшем уровне своей активности, целостности (системности), автономности. Он подчеркивает, что субъектом не рождаются, а становятся. Каждая личность является субъектом, но субъект не сводится к личности [11]. С одной стороны Брушлинский признает непрерывность развития человека как субъекта деятельности, а с другой – постулирует субъектность как высший уровень активности, целостности, автономности. Данное противоречие нуждалось в разъяснении и разработке, поскольку вопрос о критериях категории субъекта остается открытым.

В одной из последних работ Брушлинский более детально раскрывает проблему критериев в становлении субъекта. Он писал: “Субъектом столь неразрывного, недизъюнктивного единства природного и социального (культуры) становится человек по мере того, как он – будучи еще ребенком, подростком и т.д. – начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т.д. Первый существенный критерий становления субъекта – это выделение ребенком в возрасте 1–2 лет в результате предшествующих сенсорных и практических контактов с реальностью наиболее значимых для него людей, предметов, событий и т.д. путем обозначения их простейшими значениями слов. Следующий наиболее важный критерий – это выделение детьми в возрасте 7–10 лет на основе деятельности и общения объектов благодаря их обобщению в форме простейших понятий (числа и т.д.)” [11, с. 12–13]. Далее он указывает: «Изна-

чальная социальность, включенность в культуру человеческих индивидов на вышеуказанном этапе их развития характеризуется понятийностью их познания и вообще деятельности. Понятия не существуют как платоновские идеи – вне субъекта и его деятельности (познания, обучения, учения и т.д.). Отсюда вытекает, по крайней мере, два вывода, существенных для всей рассматриваемой проблематики. Во-первых, понятия не существуют для ребенка, пока он – в качестве школьника – не начнет овладевать ими в процессе своей деятельности (совместно с учителями, воспитателями и т.д.). Во-вторых, понятия не входят в состав “третьего мира” как его раскрывает К. Поппер» [там же, с. 13]. Наши позиции в свете последних работ А.В. Брушлинского сблизилась, особенно по вопросу о самом первом уровне становления субъекта и необходимости рассматривать критерии уровневой психической организации. *Первый критерий* – выделение ребенком себя из окружающего мира, на мой взгляд, очень важен, и я аргументировала это положение в статьях (см. [34, 35]), подчеркивала в беседах с Андреем Владимировичем. Ранние периоды онтогенеза человека рассматриваются справедливо как решающие и для становления концепции мира (физического и социального), и для развития личности.

Второй критерий, выделенный Брушлинским как основной в становлении субъекта, – понятийная деятельность – спорный. Истоки представления о “понятийном” критерии прослеживаются в трудах С.Л. Рубинштейна, который утверждал единство предметного содержания и переживания, где возникает значение объекта и события. Это рождает не только отражение мира, его познание, но и отношение субъекта, выраженное в его созерцании [30].

Соглашаясь с важностью становления понятий для развития субъекта, думаю, что этот критерий не может выступать как основной и достаточный. Более того, по сравнению с первым критерием, он, очевидно, дизъюнктивен. Трудно согласиться с появлением понятий в 6–7-летнем возрасте и их жесткой связью с вербальными обозначениями. Процесс становления понятийного ментального мира субъекта происходит постепенно, шаг за шагом, образуя все более сложную иерархию когнитивного пространства; начало же этого процесса опирается на основные когнитивные способности младенцев упорядочивать мир объектов, организуя базовую модель мира.

Я попыталась обосновать тезис о непрерывности становления понятий в младенческом возрасте [39]. Напомню, что способность к таксономии обнаружена у младенцев 2–3-месячного возраста. Получены экспериментальные доказательства возможностей 2-месячных младенцев формировать глобальные категориальные репрезентации

прежде базовых. Младенцы 3 и 4 месяцев формируют и глобальные, и базовые категории, получившие название *детских базовых категорий*. Детские категории отличны от взрослых и меняются в процессе развития. Главное отличие состоит в их обобщенной, нерасчлененной глобальности и отсутствии иерархии как между признаками внутри понятия, так и между отношениями суперординарного, базового и субординарного уровней. Кроме того, даже 2-летние дети имеют категории базового уровня, границы которого или шире, или уже, чем у взрослых, т.е. не совпадают. Например, дети могут включать летучих мышей в класс птиц или исключать футбольный мяч из категории мячей. Объекты, которые включают младенцы и маленькие дети, подобны, но не идентичны тем, которые включают взрослые. Однако отличие раннего процесса категоризации от взрослых происходит скорее не из-за особенности принципов младенческой категоризации. Эти принципы общие: форма–функция. Отличия коренятся в ограничении образования иерархии признаков понятия и иерархии уровней понятий. Это позволяет сделать два важнейших заключения:

1. Формирование понятий идет от глобальных к базовым. Однако глобальные категории младенцев имеют максимально недифференцированный, обобщенный характер: младенцы знают, что объекты представляют некоторые целостности.

2. Исследования последних лет убедительно доказывают, что глобальные категории формируются на основе перцепции, по-видимому, по механизму прототипа.

Одни категории (перцептивные гипотезы) образуются на базе врожденных организующих принципов (субстанциальности и континуальности), другие формируются в процессе накопления опыта. Поэтому восприятие неотделимо от мышления и имеет не только индивидуальный, но и родовой, обобщенный, универсальный характер. Следовательно, низшие и высшие уровни организации психического не полярны – они находятся в непрерывном взаимодействии.

Понятия проходят путь постепенного становления и не исчерпываются только вербализацией. Способность к категоризации в раннем младенчестве указывает скорее на непрерывность этого процесса, на существование базовых принципов формирования понятий. Вербализация свидетельствует в большей степени о появлении дизъюнктивности, иерархии, границ понятий и может служить одним из показателей следующего уровня становления субъекта. На мой взгляд, в данном представлении реализован принцип континуальности развития. Континуально-генетический метод детально разработан А.В. Брушлинским не только относительно анализа мышления как про-

цесса, но и как принцип развития и организации психического. Значение и смысл континуально-генетической теории и метода в психологии прекрасно раскрыты в работе Т.К. Мелешко [26].

Таким образом, появление вербальных понятий можно рассматривать только в качестве дополнительного критерия определенных уровней организации субъекта.

Применение континуально-генетического принципа привело нас к гипотезе о решении проблемы критериев субъекта. *Критерий субъекта может быть только уровневый.* Эту гипотезу я пыталась обосновать в представлениях о возможности выделения уровней становления протосубъектности и двух других, выделенных недавно: уровня агента и наивного субъекта (см., например, [34, 35, 39]). С позиций такого подхода критерии субъекта, выделенные другими авторами (Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, В.В. Знаков), не являются противоречивыми, но относятся к разным уровням организации субъекта.

Так, согласно пониманию Ананьева, человек как субъект деятельности – это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной деятельности). Субъект характеризуется через совокупность деятельностей и меру их продуктивности [6].

Абульханова предлагает акмеологическое понимание субъекта. По ее мнению, личность становится субъектом собственной деятельности и жизни в целом только на высших, взрослых этапах своего развития: “Говоря о становлении личности субъектом, мы имеем в виду взрослую личность” [5, с. 17]. Она выделяет критерии личности, которая становится субъектом: в качестве первого критерия выдвигается способность личности к организации собственной жизни, жизненных этапов и регуляции объективно существующих жизненных обстоятельств. Второй критерий состоит в возможности личности как субъекта “вырабатывать свои способы решения постоянно возобновляющихся противоречий...” между нормативными требованиями и индивидуальными особенностями и притязаниями личности. Третий критерий личности как субъекта заключается в оптимальном использовании психических, личностных, профессиональных и других возможностей для решения жизненных задач: «Личность не просто обладает восприятием, мышлением, памятью и не только способна видеть, думать и помнить, она определяет, как и зачем вспоминать, чтобы решить жизненно-практическую задачу. В этом проявляется ее “мета-личностное качество субъекта”» [там же, с. 15]. Четвертый критерий – собственно акмеологический, который определя-

ет личность как субъекта жизни, постоянно направленного на самосовершенствование, достижение идеала. Пятый критерий в большей степени дополняет четвертый: субъектом будет такое совершенствование личности, которое направлено на достижение ее подлинности. Неподлинность жизни определяется как неспособность прожить собственную жизнь, отвечающую собственной индивидуальности. Подлинная же жизнь – это выбор жизненной стратегии, отвечающей смыслу жизни. Жизненная стратегия проявляется в сознании субъекта как Я-концепция. “Наличие Я-концепции дает возможность личности осознать себя как субъекта, отнестись к себе как источнику жизненных перемен, причине событий и поступков...” [там же].

Остановившись достаточно подробно именно на взглядах К.А. Абульхановой, хотелось бы выделить те противоречия, которые существуют по данной проблеме между ее представлениями и мнениями других авторов. Напомню, что Ананьев решал вопрос о соотношении личности и субъекта таким образом: “Разумеется, разделение человеческих свойств на индивидуальные, личностные и субъектные относительно, так как они суть характеристики человека как целого, являющегося одновременно природным и общественным существом. Ядро этого целого – структура личности, в которой пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта” [6, с. 220]. Выделяя в качестве ядра человеческой организации личность, он указывает, что “структура личности, сложившаяся в процессе индивидуального развития человека, сама детерминирует направление, степень изменения и уровень развития всех феноменов психического развития. С.Л. Рубинштейн именно в этой структуре личности, комплексе личностных свойств, усматривал те внутренние условия, через которые действуют те или иные внешние факторы” [там же, с. 218].

Здесь мы видим различия в понимании субъекта Ананьевым и в субъектно-деятельностном подходе Брушлинского. Если для Ананьева личность – это ядерная структурная организация, то в субъектно-деятельностном подходе главное – субъект, который всегда является личностью, но не сводим к ней [10]. Для Ананьева субъектом становится человек в процессе своей профессиональной деятельности и творчества как высший уровень профессиональной деятельности. А в представлении последователей Рубинштейна субъект – качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции личности: “Любая личность может быть объектом подлинного воспитания лишь постольку, поскольку она вместе с тем является субъектом этого воспитания” [10, с. 345]. Именно субъект рассматривается как ядро человеческой организации: “Многообраз-

ные виды и уровни активности субъекта образуют целостную систему внутренних условий, через которые как через основание развития только и действуют внешние причины” [там же, с. 344].

Как видно из приведенных критериев личности как субъекта, К.А. Абульханова в своей новой статье [5] только раскрывает акмеологическое понимание субъекта, о котором речь шла и в предшествующих ее работах [2–4]. Выделенные ею критерии субъектности, по моему представлению, не являются специфичными и достаточными для данной категории. Напомню, в чем состояло мое несогласие с позицией Абульхановой. Разрешение противоречий даже на неосознаваемом уровне выделяется как движущая сила любого развития, в том числе и личностного. Слишком неопределенным кажется положение об оптимальном способе организации жизненного пути, способе разрешения противоречий. Получается, что уровень субъекта является как бы операциональным уровнем личности, задающей общее направление движения. Более того, субъектом человек может и не стать, если он не достиг вершин своего развития. Но человек становится субъектом шаг за шагом, на разных уровнях развития субъектности, а это означает континуальность его развития.

Близкую точку зрения на соотношение личности и субъектности в человеке высказывает В.А. Петровский [29]. Он развивает личностный подход к активности субъекта, принимая выдвинутое А.Н. Леонтьевым представление о личности как системе деятельности субъекта, в которой проявляются свойства социальной метасистемы, включающей субъекта. Для определения субъектности в большей степени используется индивидуально-психологический анализ человека, а личности – социально-психологический. Петровский видит противоречие в подходах к изучению личности и субъекта: “Очевидный факт взаимопроникновения между двумя началами бытия личности сопряжен с не менее очевидным фактом их нередуцируемости друг к другу: индивидуальное и социальное в личности составляют, как говорят, единство, но не тождество” [29, с. 358]. Концепция субъектной личности объединяет в себе идеи надситуативной активности и отраженности человека в человеке. “В этом контексте личность выступает как динамическая форма субъектно-ролевого единства: становление субъектности – ролью и снятие роли – субъектностью” [там же, с. 363]. Таким образом, субъектность понимается Петровским как часть (модус) личности, что фактически снимает вопрос о специфичности данной категории: субъект растворен личностью.

Разрабатывая психологию субъекта, В.В. Знаков пишет об экзистенциальном поиске смыс-

ла жизни [18, 19]. Представляется, что все названные авторы говорят о субъекте, достигшем вершинных уровней своего развития. Здесь принципиальным является вопрос о соотношении понятий “субъект” и “личность”.

Думаю, что по вопросу о критериях субъектности А.В. Брушлинский мог бы не согласиться со многими положениями, особенно связанными с непрерывностью становления понятий. Однако идея уровневых критериев субъекта могла бы вызвать согласие, поскольку не исключает, а включает решения разных авторов и последовательно реализует принцип континуального развития.

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ “СУБЪЕКТ” И “ЛИЧНОСТЬ”

Как отмечает Л.И. Анцыферова, в работах С.Л. Рубинштейна трудно найти критерии, дифференцирующие субъекта и личность: «Он часто пишет о “личности”, “субъекте” и “человеке” как синонимах...» [8, с. 219]. Его интересует активность человека, субъекта, личности в деятельности. Иногда Рубинштейн использует представление о субъекте как стержневом качестве личности, употребляя такие понятия, как “субъект практики”, “субъект истории”.

Можно выделить два подхода к пониманию соотношения категорий “субъект–личность”.

Первый подход состоит в том, что личность рассматривается как высший уровень развития субъекта [7, 8]. Так, Анцыферова фиксирует неравномерность развития человека и личности. Например, преуспевающий политический деятель, предприниматель могут оставаться на низком уровне развития личности. Высокое же развитие личности невозможно при этом без высокого развития субъектности.

Второй подход, к которому относятся большинство авторов, – субъект является высшим уровнем развития личности [2–6, 9, 29, 30, 32, 43 и др.]. Так, А.Г. Асмолов считает, что отличие между субъектом и личностью состоит в активности по преобразованию нормативности во вне и в себе как продукте проявления личности. Следовательно, автор видит субъектность как высшее проявление личности [9].

З.И. Рябикина считает необоснованной попытку выделения приоритета во взаиморасположении категорий “личность” и “субъект” [32]. Субъектность может быть доличностной, личностной и внеличностной. Например, вводя представление о коллективном субъекте, трудно говорить о коллективной личности. Личность в различных пространствах своего бытия в разной степени способна реализовывать субъектную позицию. При этом субъектная позиция понимается

как совокупность свойств личности, которая способствует экстерииоризации субъектного потенциала. Интересным представляется введение понятия истинной и навязанной субъектности. Личность не всегда эффективна в проявлениях своей субъектности. Истинной субъектности отвечает аутентичное бытие личности. Истинная субъектность возникает на определенном уровне зрелости личности и достижима при выборе способа существования, максимально отвечающем его сущности [32]. Разработке истинной субъектности посвящено теоретико-экспериментальное исследование Г.Ю. Фоменко [43]. Она выделила десять критериев истинной субъектности, показала возможности проявления истинной и навязанной субъектности в двух модусах бытия личности: предельном и экстремальном. Однако данное понимание также является вершинным представлением о личности как субъекте, что соответствует акмеологическому принципу Абульхановой (см. [5]).

Соотношение личности и субъекта рассматривалось в работах Мальрие: “Субъект не сводится к Персоне, хотя и является ее источником” (цит. по: [16, с. 19]). В этом случае существует континуум процессов субъективизации и персонализации, между Субъектом и Персоной. Процесс же персонализации включает, по мнению А. Валлона, синтез двух аспектов развития: социализации и индивидуализации как двух комплементарных процессов (см. [16]).

Предполагаю следующее гипотетическое решение: личность (персона) – это стрележевая структура субъекта, задающая общее направление самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде командного и исполнительного звеньев. Личность задает направление движения, а субъект – его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека. Тогда носителем содержания внутреннего мира человека будет выступать личность, а реализацией в данных жизненных обстоятельствах, условиях, задачах – субъект. В этом случае человек будет осуществлять зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума “субъект–личность”.

В этом процессе познание *Себя* и *Другого* занимает определяющее место, но может существовать и в недифференцированной (интуитивной) форме. Модель психического как модель внутреннего мира человека, определяемая векторами *Я–Другой*, выступает как когнитивная основа субъектности человека, реализующая генеральную линию личностного развития. Это означает, что человек стремится сохранить свою целостность как субъекта и личности, следовательно, делает то, что соответствует его жизненным

смыслам, собственной субъектности и интегративной уникальности (при этом образуется единая система: вся история развития субъекта, гетерархия уровней организации). Показателем синхронности, а точнее – гармонии, соответствия в континууме “личность–субъект” может выступать спонтанность поведения человека. Например, проведем аналогию со знанием языка: как только мы выражаем спонтанно то, что хотим сказать, тогда можно говорить о владении языком как средством общения или обмена психическими состояниями (желаниями, знаниями, эмоциями, настроениями и планами). В данном случае психологическая зрелость – это прежде всего континуум согласования задач личности и интегративных возможностей субъекта.

Предложенное гипотетическое решение вопроса о соотношении категорий “субъект” и “личность” включает положения Анцыферовой (см. [7]) и Ананьева, в работах которого отмечается, что личность является ядерным образованием в структуре целостного человека. Более того, мы находим у него, как и в психологии субъекта Брушлинского (“субъект всегда является личностью, но не сводим к ней”), указание на существование своеобразия и дифференциации этих понятий: “Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой продуктивности” [6, с. 253].

Таким образом, гипотетическое решение прослеживается в работах других авторов. Очевидно, что и теоретическая, и эмпирическая разработка рассматриваемой гипотезы требует более детального и доказательного продолжения.

А.В. Брушлинский, возможно, не отверг бы данную идею, но указал бы на ее проблемные и спорные моменты, которые мне также ясны.

СТАНОВЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ

Одним из остро дискуссионных в психологии субъекта остается вопрос о том, когда человек становится субъектом. Поскольку многие авторы связывают субъектность с высокими уровнями личностного развития, то субъектность тогда выступает почти вершинным достижением личностного развития или даже атрибутом пожилых людей, которые в большинстве своем не смогут отвечать тем пяти критериям субъектности, выделенным К.А. Абульхановой [5]. Однако существуют и другие представления о генезисе субъекта.

Топологическая и генетическая модель субъектности представлена в работах И.В. Журавлева и А.Ш. Тхостова [14], А.Ш. Тхостова [42]. В топологической модели субъектность обособляется

как граница напряжения в континууме “субъект–объект”, полюса которого никогда не могут быть достижимы. Движение в сторону полюса субъекта означает превращение себя в объекта наблюдения, движение к полюсу объекта не может быть абсолютным в силу непрозрачности и неподконтрольности. Следовательно, исчезновение иного – это исчезновение субъекта. Генетически субъектность может быть представлена как дифференциация *Я* – не *Я*, как становление континуума “субъект–объект”. Авторы полагают, что “в фило- и онтогенезе существуют стадии отсутствия дифференциации Субъект–Объект и подобная поляризация возникает на поздних этапах эволюции. Ребенок на ранних стадиях онтогенеза не обладает развитой способностью дифференцировать себя, собственные мысли или чувства и вещи окружающего мира” [14, с. 10]. При этом расчленение субъекта и объекта происходит при становлении произвольности. “Они (функции) могут стать произвольными, лишь пройдя путь растворения в Субъекте, продвигая постепенно границу субъектности. Но когда-то они были объектными и сохранили в замаскированном виде свой исходный характер” [42, с. 213]. Диалектика субъектности состоит в объединении топологической и генетической моделей, что означает движение к произвольному овладению.

Идея континуальности субъекта и объекта представляется мне чрезвычайно интересной, сходной с решением вопроса о соотношении субъект–личность, обсуждаемой мною выше. Однако согласиться с тем, что произвольность есть причина образования субъектности, которая поздно возникает и в фило-, и в онтогенезе, я не могу.

Произвольность не существует отдельно от индивида и тем более от субъекта, поэтому не может выступать как формирующая сила. Идеи А.Ш. Тхостова перекликаются с теорией Л.С. Выготского о становлении высших психических функций, которые опосредствуются культурно-специфическим знаком-средством. Согласно Выготскому, культурные средства ребенку даются, вкладываются взрослым, при этом он остается пассивным реципиентом воздействий, а не субъектом развития.

В работе В.В. Селиванова предложен генезис развития человека как субъекта деятельности. Описанные стадии охватывают весь цикл человеческой жизни и имеют большое сходство с классификацией Э. Эриксона кризисов человеческой жизни. Более того, описание качественных изменений, происходящих с субъектом в процессе развития, скорее могут быть отнесены к личностным изменениям [33].

В.И. Слободчиков [41] представляет развитие субъектности как пять ступеней, которые проходит человек в своем онтогенезе. По мнению авто-

ра, ребенок постепенно в пространстве взаимодействия с *другим (другими)* обретает свою индивидуальность и самость. На *первой ступени (оживление)* ребенок через общение со взрослым осваивает собственную телесную индивидуальность, постигая свои жизненные сенсорные и моторные возможности. *Вторая ступень (одушевление)* – овладение культурными навыками-средствами (речь, предметная деятельность) и первое открытие собственной самости как осознание себя субъектом собственных желаний и умений (появление души). *Третья ступень – персонализация*, которая через расширенное взаимодействие с социальными партнерами порождает осознание себя как автора собственной биографии, ответственность за будущее, уточнение идентичности. *Четвертая ступень (индивидуация)* – становление собственной самости, которая до этой ступени складывалась не по его воле и без его ведома. *Пятая ступень (универсализация)* – выход за пределы развитой индивидуальности, осмысление универсального со-бытия, Бого-человечества.

В картине становления субъектности Слободчиков также представлены некоторые аспекты развития личности, без дифференциации того, что же данная ступень развития личности дает развитию субъектности, в чем состоят эти особенности.

Процесс становления разных уровней субъектности в онтогенезе человека подробно описан мной [34, 35, 37, 39]. Кратко картина генезиса становления континуума “субъект–личность” представляется следующей.

Первая важнейшая начальная задача в развитии ядра личности – выделение себя из среды. В самом начале жизни человек способен получать информацию (например, через оптический поток), которая прямо специфицирует его непосредственное положение и изменения в среде.

Можно предположить, что первым представлением о себе является *экологическое Я* – это *Я*, воспринимаемое относительно физического окружения. Экологическое *Я* образуется спонтанно с самого рождения и активно функционирует как составная часть *Я*-концепции на протяжении всей жизни, изменяясь и развиваясь.

Вторая важнейшая начальная задача в развитии *Я*-концепции – установление эквивалентности *Я–Другой*. Этот тип представлений о себе может быть обозначен как *Я-интерперсональное*, которое появляется также у самых маленьких младенцев и специфицируется видоспецифическими сигналами о взаимоотношениях: *Я* – индивид, участвующий в человеческих обменах. В эту праформу *Я*-интерперсонального не входят культурные установки и тонкие аспекты интерперсональных отношений. Такой тип представлений складывается непосредственно. В жизни люди ча-

сто взаимодействуют лицом-к-лицу средствами, присущими человеческому виду. Эти взаимодействия встречаются на разных уровнях человеческой интимности, с помощью телесных контактов или без них. Характерные средства взаимодействия включают обмен взглядами, жестами или ответными вокализациями. Все эти виды взаимодействия воспринимаются непосредственно и не требуют специальной осознанной интерпретации. Это арсенал невербальной коммуникации, на которой строятся интересующие нас циклы взаимодействия. Интерперсональное восприятие функционирует от рождения. Два типа ранних форм структуры Я – экологическое и интерперсональное – являются двумя аспектами взаимодействия с миром. Я-экологическое специфицирует описание системы Я – физический мир, Я-интерперсональное – системы Я – социальный мир. Развитие этих личностных образований направляет становление базовых уровней протосубъектности: “первичной” и “вторичной”. Эти два аспекта ядра личности на первом году жизни могут развиваться относительно независимо, что дает возможность только выделить себя из окружения (физической и социальной среды). Это протонивелирование становления “первичной субъектности”. Однако взаимодействие Я-экологического и Я-интерперсонального необходимо для возникновения следующего уровня протосубъектности – “вторичной интересубъектности”, который предполагает “треугольные отношения”, включающие и объект, и индивида. Дети начинают испытывать общие психические состояния со взрослым по отношению к объекту или событию. Это путь к пониманию дифференцированной интенциональности. Наличие интересубъективных отношений позволяет установить тождество: Я–Другой. Становление биполярной шкалы “Я–Другой” обеспечивает репрезентационная система, возможная благодаря врожденным механизмам амодального восприятия и интересенсорного взаимодействия. Таким образом, базовая концепция физического и социального мира свидетельствует об активности, интегративности, социальности человека как субъекта. Это позволяет предположить, что истоки субъектности следует искать на самых ранних этапах развития человека. Но из этого не следует, что субъектом рождаются, субъектом становятся. Этот процесс можно представить как становление определенных уровней развития субъектности, организованных гетерархично.

Дальнейшая разработка представлений об уровне становления субъектности связана с моделью психического, т.е. со способностью детей к построению ментальных моделей о понимании, мнениях, желаниях, намерениях своих и других людей (см. подробнее [38, 39]). Исследования понимания эмоций, намерений, обмана позволи-

ли выделить еще два уровня развития субъектности в дошкольном возрасте (см. [38]).

В 4 года начинают дифференцироваться представления о том, что *Собственное психическое* отличается от *психического Других* людей; формируется предсказание поведения *Других* на основе представлений о последствиях *Собственного* поведения. Это *уровень агента*. Существенные изменения в уровне развития модели психического происходят в 5-летнем и особенно в 6-летнем возрасте. Способность сопоставить разные аспекты ситуаций и их значения для *Себя* и *Других* позволяет детям на новом уровне анализировать человеческие контакты и их смысл. Они начинают не только понимать обман, но и сами готовы обманывать, что требует сопоставления своей модели понимания ситуации с моделью понимания ситуации другим человеком. Подобное сопоставление позволяет воздействовать на понимание и представление о событии другим человеком, что приводит к возможности его обмана. Это *уровень наивного субъекта*.

Представленный эскиз, несомненно, нуждается в более детальном и тщательном обосновании. Однако хотелось бы подчеркнуть, что при выделении уровней развития субъектности человека реализуется принцип континуальности, преемственности в психическом развитии, когда ничто не возникает вдруг, а имеет предшествующую форму. Так и субъект, который не возникает наподобие включения света, озарения собственной уникальности. Это постепенный процесс, где шаг за шагом происходит интеграция уникальных и универсальных способностей и достижений человека на пути становления все новых уровней субъектности. Применение уровневого критерия к определению субъектности позволяет объединить разные точки зрения на природу субъектности. Так, в понимании Б.Г. Ананьева человек как субъект деятельности – это определенный этап человеческого развития, предполагающий формирование психических свойств и механизмов в процессе профессиональной (производственной) деятельности. У К.А. Абульхановой в качестве критерия субъекта выступает способность разрешать противоречия: без этой способности личность не становится субъектом или утрачивает этот статус. Субъект в определении Абульхановой есть гармоничная, самореализующаяся личность, достигшая вершины в иерархическом развитии. Разрабатывая психологию субъекта, В.В. Знаков пишет об экзистенциальном поиске смысла жизни, З.И. Рябикина – об истинной субъектности как аутентичности бытия. Представляется, что все названные авторы говорят о субъекте, достигшем вершинных уровней своего развития, субъекте деятельности и субъекте жизни. Следовательно, можно выделить *метауровень онтогенеза субъектности* человека как субъек-

та развития – субъекта деятельности – субъекта жизни.

Многие авторы, употребляя категорию “субъект”, имеют в виду самые разные уровни его организации и реализации. Возможно, что представление о метауровнях субъектности человека позволит уточнить и дифференцировать эти значения. Так, субъектом собственного развития человека, по-видимому, является вся жизнь, но степень задач развития на разных этапах человеческой жизни различна. Следовательно, требования к актуализации субъектности – личности как непрерывного континуума взаимодействия направляющих и реализующих тенденций человека будут связаны с их уровнями организации, степенью согласованности и обстоятельствами жизни. Субъектом деятельности человек остается всю жизнь, но реализация деятельности в разные периоды онтогенеза существенно различается. Если для маленького ребенка – это собственные способы активности и простейшие виды индивидуальной деятельности, которые опираются на соответствующие уровни его психической организации, то для молодого человека – это задачи реализации себя как субъекта деятельности, профессиональной и бытийной. Субъектом жизни человек является всю свою жизнь. Но задачи жизни, бытия, их смысл, значение имеют разную степень осознания и значимости на различных этапах человеческой жизни. На разных уровнях метасубъектности разные ипостаси субъектности человека тесно переплетены и взаимозависимы, но их относительное значение и “удельный вес” в общей составляющей меняется на различных этапах жизни. Задача, которая поставлена в связи со структурным представлением о субъектной организации, – раскрыть теоретически и эмпирически, каким образом организованы предположенные метауровни субъектности, их системно-уровневый состав, детерминация и условия реализации.

Я осознаю, что представленные метауровни имеют больше вопросов, чем ответов, но в рамках разрабатываемого системно-субъектного подхода они могут стать основой для дальнейших поисков в психологии субъекта.

Думаю, что у Андрея Владимировича данная гипотеза вызвала бы множество вопросов, впрочем, так же, как и у меня, но в ней содержится некоторое зерно, которое поможет в реализации континуально-генетического принципа в психическом развитии человека. Это позволит “снять” противоречия между разными точками зрения, создать единое поле для изучения психологии субъекта.

В настоящей статье рассмотрены самые общие итоги того, что нам удалось сделать за последние пять лет в психологии субъекта. Эмпири-

ческая реализация некоторых из изложенных здесь положений представлена в моей работе, посвященной результатам экспериментальных исследований сотрудников лаборатории психологии развития [40].

А.В. Брушлинский отмечал, что “путь от несубъектной психологии к субъектной очень труден” [12, с. 158]. Чрезвычайно труден, но смелость и стойкость Андрея Владимировича, его умение отстаивать свои идеи, подчас отвергаемые большинством, служат нам примером и являются той силой, которая рождает упорство. Представленные в статье общие разработки, отражающие наши скромные усилия в направлении главной идеи А.В. Брушлинского, говорят о том, что он оставил научное наследие, обладающее огромным потенциалом, которое нельзя растерять, а необходимо развивать и умножать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андерсон Д.Р.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2002.
2. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991.
3. *Абульханова К.А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М.: ИП РАН, 1997. С. 56–75.
4. *Абульханова К.А.* Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной. М.: Изд-во “Академический проект”, 2000. С. 13–27.
5. *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–22.
6. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Изд-во “Институт практической психологии”, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1996.
7. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъекта и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблемы субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиной, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
8. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
9. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990.
10. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. М.: Инфра-М., 1999. С. 330–346.
11. *Брушлинский А.В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта /

- Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2002. С. 9–33.
12. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
 13. *Ганнушкин П.Б.* Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Н. Новгород: Изд-во НГМА, 1998.
 14. *Журавлев И.В., Тхостов А.Ш.* Субъектность как граница: топологическая и генетические модели // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 3. С. 5–12.
 15. *Залевский Г.В.* Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 3. С. 32–36.
 16. *Зауш-Годрон Ш.* Социальное развитие ребенка. СПб.: Питер, 2004.
 17. *Знаков В.В.* Субъект-объектные и субъект-субъектные типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ПЕР СЭ, 2002. Гл. 5. С. 144–160.
 18. *Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005. С. 9–44.
 19. *Знаков В.В.* Психология понимания. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005.
 20. *Карпов А.В.* Метасистемная организация уровней структур психики. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004.
 21. *Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–12.
 22. *Лабунская В.А.* Психологический портрет субъекта затрудненного общения // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 5. С. 14–22.
 23. *Лабунская В.А., Менджерницкая Ю.А., Бреус Е.Д.* Психология затрудненного общения. Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М.: Академия, 2001.
 24. *Лазурский А.Ф.* Очерки науки о характерах. М.: Наука, 1995.
 25. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
 26. *Мелешко Т.К.* Континуально-генетическая теория А.В. Брушлинского: рождение идеи // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 4. С. 98–104.
 27. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. М., 2001.
 28. *Моросанова В.И.* Стилиевые особенности индивидуальной саморегуляции и личностные диспозиции человека // Личностные и когнитивные аспекты саморегуляции деятельности человека / Под ред. В.И. Моросановой. М.: Изд-во "Психологический институт РАО", 2006. С. 18–39.
 29. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д: Изд-во "Феникс", 1996.
 30. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: ПЭР СЭ, 1997.
 31. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 1998.
 32. *Рябкина З.И.* Личность как субъект бытия и события: психологический аспект анализа // Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005. С. 5–22.
 33. *Селиванов В.В.* Свойства субъекта и его жизненный цикл // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2002. С. 310–328.
 34. *Сергиенко Е.А.* Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2000. С. 184–203.
 35. *Сергиенко Е.А.* Ранние этапы развития субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2002. С. 270–310.
 36. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения как развитие представлений об индивидуальности с позиций субъектно-системного подхода. XX Мерлинские чтения. "В.С. Мерлин и системные исследования индивидуальности человека": Материалы межрегиональной юбилейной научно-практической конференции. Пермь, 2005. Ч. 1. С. 34–48.
 37. *Сергиенко Е.А.* Психология субъекта: проблемы и поиски // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологическая основа анализа: Материалы III Всесоюзной научно-практической конференции. Краснодар, 2005. С. 206–225.
 38. *Сергиенко Е.А.* Развитие модели психического как ментальный механизм становления субъекта // Субъект, личность, психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005. С. 113–146.
 39. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: новый взгляд. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
 40. *Сергиенко Е.А.* От когнитивной психологии к психологии субъекта // Психол. журн. 2007. Т. 28. № 1. С. 17–28.
 41. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъектности: Учебное пособие для вузов. М., 1995.
 42. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
 43. *Фоменко Г.Ю.* Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2006.

PSYCHOLOGY OF THE SUBJECT: SEARCHES AND DECISIONS**E. A. Sergienko***Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology of development, Psychological Institute of RAS, Moscow*

It is underlined that search of ways to change un-subject psychology to the subject one are directed to A.V. Brushlinsky's ideas continuation and development. Some decisions for psychology of the subject problem moments are proposed, moot points are discussed. New system-subject approach is proposed on the basis of system and subject-activity approaches integration. The functions of the subject are described: cognitive, regulative and communicative. The differentiation between subject and personality categories is carried out. The nature of subjectity formation is discussed and classifications of the main stages of this development are compared. The level organization of subject's formation, in ontogenesis is proposed: from proto-subjectity to the subject of activity and life. Meta-levels of subject's development are allotted: subject of development, subject of activity, subject of life.

Key words: psychology of the subject, system-subject approach, functions of the subject, continuum-genetic method, subject and personality, the levels of subjectity formation.